

ЕЛЕНЕВСКАЯ М. Н.

Хайфа, Израиль

ymaria@technion.ac.il

81'246.3

DOI 10.26170/ufv20-02-13

ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ МИГРАНТОВ: МНОГОЯЗЫЧИЕ, АТТРИЦИЯ И КРЕАТИВНОСТЬ

Аннотация. Трансьязычие – характерная особенность речи мигрантов. В некоторых случаях смешение кодов свидетельствует об аттриции родного языка, в других мы имеем дело с мультилингвальной креативностью, которая возникает благодаря компетенции в двух или более языках и благодаря стратегическому комбинированию языковых ресурсов для достижения прагматических целей. На примере высказываний русскоязычных израильтян мы покажем, какими способами лексика языка принимающей страны интегрируется в русскую речь и становится частью региональной версии русского языка.

Ключевые слова: иммигранты, трансьязычие, лингвокреативность, языковая аттриция, языковая игра

YELENEVSKAYA MARIA

Haifa, Israel

MIGRANTS' EVERYDAY SPEECH: MULTILINGUALISM, ATTRITION AND CREATIVITY

Abstract. Translanguaging is a typical feature of migrants' speech. While sometimes codemixing testifies to attrition of the native language, in others it manifests multilingual creativity which emerges thanks to competency in two or more languages and strategic manipulation of linguistic resources in order to attain pragmatic purposes. Relying on 200 examples from oral and quasi-oral communication of Russian-speaking Israelis, we will elaborate on how lexis of the host country is domesticated and integrated into a regional variety of Russian.

Keywords: immigrants, translanguaging, linguistic creativity, language attrition, language play

Годы, прошедшие со дня распада СССР, ознаменовались значительным сокращением числа носителей русского языка [Арефьев 2012]. В то же время, благодаря массовым миграциям география его распространения чрезвычайно расширилась [Pavlenko 2006; Yelenevskaya, Protassova 2015], и стали зарождаться новые региональные версии [Ryazanova-Clarke 2014; Mustajoki, Protassova, and Yelenevskaya 2020]. Русский и раньше вступал в контакты с другими языками: российская аристократия привычно мешала русский с французским; жители периферии Российской империи, а в дальнейшем СССР, включали в речь элементы языка соседей; а с начала 1990-х, одним из самых заметных явлений изменения языка в метрополии стало интенсивное освоение английской лексики [Крысин 2004, Proshina, Etkin 2005; Yelenevskaya 2008]. За счет миграций оживились старые контактные пары русского с финским, немецким и французским, а также активно стали развиваться контактные отношения с арабским, греческим, испанским, итальянским, чешским, ивритом и другими языками стран, в которых образовались русскоязычные общины. Изучение лингвокреативности (ЛК) русскоязычных за рубежом представляет большой интерес, т.к. позволяет проследить, как овладение вторым, а чаще и третьим, языком влияет на способность языковой личности отходить от языковых правил и создавать новые языковые единицы и новые смыслы [см. Aronin 2019 о доминантной констелляции многоязычных индивидов]. В самом широком смысле под ЛК понимается способность носителей языка не только воспроизводить правила и пользоваться готовыми моделями, но и воссоздавать, преобразовывать и модифицировать лингвокультурные ресурсы, а также их контекстуализацию в процессе коммуникации [Maybin, Swann 2007: 491]. В случае, если для инноваций говорящий манипулирует ресурсами двух или более языков, можно говорить о многоязычной креативности. Более того, обязательным свойством ЛК является ее прагматическая ценность. ЛК не только составляет основу поэтического языка, но и широко встречается в повседневной речи. В тех случаях, когда говорящий намеренно использует такие приемы ЛК, как мета-

фора и метонимия, гипербола, параллелизм, повтор, каламбур, паронимия и т.д., он добивается определенной цели: предлагает собеседнику новый взгляд на предметы и явления или акцентирует внимание на каком-либо фрагменте сообщения. Посредством нарушения правил можно выразить критику и антагонизм или утвердить свою идентичность, что особенно важно для мигрантов, которым приходится самоутверждаться в новой социокультурной среде. Наконец, языковые инновации – это способ придать высказыванию юмористический характер, вовлечь собеседника в языковую игру или просто оживить разговор [Carter, McCarthy 2004: 63-64; Jones 2010].

В исследовании языка русскоязычных иммигрантов до настоящего времени внимание прежде всего уделялось процессам аттриции и классификации ошибок, в частности, ошибок детей и подростков, для которых русский является унаследованным [Протасова 2014]. Именно в этом русле рассматривались практики трансязычия, то есть смешение и переключение языковых кодов. Мультилингвальная креативность, которая возникает благодаря компетенции в двух или более языках и благодаря стратегическому комбинированию языковых ресурсов, мотивированных социальными или психологическими причинами [Kachru 1985], пока исследована недостаточно. Представляется, что этому есть несколько причин: архивы записей спонтанной речи русскоязычных иммигрантов пока невелики и малодоступны исследователям. В тех случаях, когда записи ведутся во время интервью, говорящие нередко делают усилие не «мешать» языки, т.к. пока еще широко распространено пуристское представление, о том, что трансязычие – это прежде всего показатель аттриции родного языка: «новый язык так и не выучил, а свой уже забыл». Не случайно можно часто услышать уничижительные отзывы иммигрантов друг о друге: «у него салат из языков», «он говорит на каком-то безумном суржике»⁶ (из этнографического дневника). Другая причина состоит в том, что

⁶ Обратим внимание на то, что интереснейшее явление русско-украинского трансязычия не только носит отрицательный оценочный характер, но и выступает в качестве прототипа смешения языков.

иногда бывает непросто отделить случаи действительного дефицита слов в языке-матрице от намеренного манипулирования языками, т.к. интенции говорящего/пишущего и восприятие слушающего/читающего не всегда эквивалентны [см. Норман 2018], а кроме того, далеко не все мультилингвы могут объяснить свой выбор языковых элементов, хотя надо отметить, что поздние мультилингвы, осваивавшие 2-й или 3-й язык в бытовых ситуациях или в учебной обстановке, больше склонны к языковой саморефлексии, нежели монолингвы.

Задача данной статьи дать краткий анализ ЛК мультилингвов на примере спонтанной речи русскоязычных израильтян, иммигрантов 4-й и 5-х волн. Материалом наблюдения послужили дневниковые записи спонтанных разговоров со знакомыми, «подслушанных» диалогов в общественных местах, радиопередачи, а также форумы в Фэйс Буке (ФБ). Всего для анализа было отобрано 200 примеров.

Освоение иноязычной лексики обычно проходит в три этапа: окказиональные вкрапления, экзотизмы и заимствования [Колесов 1998; Крысин 2004]. Для первых двух этапов характерна морфологическая статичность и неделимость. Так как иммигрантские версии русского языка не кодифицированы, то слова, заимствованные из языков принимающих стран, не фиксируются в словарях, и об их освоенности можно судить, в основном, по встречаемости в публичном дискурсе, а главное, по фонетической и морфо-синтаксической адаптации, т.е., аффиксации и деривационным процессам. Приведем примеры, показывающие разные стадии освоенности ивритских слов в русской речи.

В объявлении о найме на работу читаем: «Требуются работники/работницы по уходу, *металлим* и *металлот*». В длинном списке вакансий в этом объявлении встречаются также помощники/помощницы и раздатчики/раздатчицы. И только в случае сиделок дается уточнение с помощью ивритских слов, написанных кириллицей, с использованием окончаний мужского и женского рода (выделены жирным шрифтом). Очевидно, работники / работницы по уходу показались автору объявления более ту-манными, чем ивритские слова, обозначающие «сиделок». Та-

ким образом, в данном контексте прагматической задачей внесения в русский текст ивритских слов было уточнение информации, а не ее творческая презентация.

Однако иногда сохранение формы слова может вписываться в новый контекст, не нарушая правил русского языка, но творчески используя метафорический потенциал слов обоих языков. Так, во время предвыборной кампании 2020 года одна из групп ФБ разместила отчет о проведении диспута русскоязычных представителей политических партий, сопроводив его фотографией. На столах перед каждым участником были таблички с названиями партий, написанными кириллицей. Был среди них и блок правых партий, кратко, но грамматически некорректно обозначенный *ямина* [правый, направо]. За фотографией последовал комментарий: «*Ямина* чет косит *смола...*».⁷ Используя просторечие «чет» и жаргонное «косит», пользователь имплицитно выразил свое презрительное отношение к «правым», усиленное метафорой «смотреть налево», обозначающее в данном контексте не направление взгляда, а политическую линию. Это высказывание было одобрено «лайками», т.к. отразило мнение тех, кто считает позицию правых партий недостаточно жесткой в конфликте с палестинцами.

Большое количество примеров из разных источников показывает, как ивритские слова обрастают русскими аффиксами. Так, в русскоязычной прессе и в интернете жители города Хайфа называются *хайфчане* и именно словами «Привет, *хайфчане*» начинаются многие интернет-посты в городских форумах. Под фотографией городских видов находим запись с использованием ласкательного суффикса: «Моя ты красота наша любимая *Хайфочка*». В следующем вопросе ивритский топоним соединен с приставкой «при», которая образует слово «пригород»: Привет народ! Хочу поехать за грибами. Может кто поделится местами в *прихайфске*? Буду признателен. Наконец, в недавней беседе о вышедших из-под контроля диких кабанах, освоивших

⁷ Все цитации письменных источников приводятся в орфографии и с пунктуацией текста-оригинала.

городские территории, редактор хайфской интернет-газеты рассказал об опыте окрашивания рогов оленей фосфором с тем, чтобы они были видны жителям в темноте. Предложение вызвало бурную дискуссию, включившую аллюзии к повести А. Конан Дойля «Собака Баскервилей»:

Кормить кабанов фосфором? И будут у нас кабаны (Баскервилей) *Хайфавилей*. Обратим внимание на то, что в последнем примере ассоциативный контекст окказионализма подкрепляется знакомством с содержанием литературного произведения-источника. Однако, не будучи уверен в быстроте актуализации фоновых знаний адресатов, автор все же дает в скобках и часть названия оригинала.

Добавление к ивритским словам уменьшительных, ласкательных и уничижительных суффиксов позволяет русскоязычным израильтянам показать отношение к предмету коммуникации и выразить эмоции: завсегда́тай блошиного рынка, *шук пишпешим*, любовно называет его *пишпешикой*; мать, заботящаяся о развитии ребенка и не жалеющая сил на то, чтобы водить дочь на кружки, зовет их *хугимчики* (*хугим* – мн. ч.). Обратим при этом внимание на характерное прибавление к заимствованному слову во множественном числе русского окончания множественного числа [Еленевская 2008].

В трансязычии русскоязычные израильтяне широко используют дериваты ивритских, английских, а иногда и арабских слов:

Я в эту компанию уже апплаилась (от английского *applied*, зд. подавала документы на вакантное место).

Ездили мы *мэургански*, и это не хорошо (номинативное сочетание *тиоль мэурган*, «организованная групповая поездка» используется в качестве лексического обновления, в котором прилагательное заменяется по функции на наречие с суффиксом *-ски*).

Он из наших, тоже *олимицик*. Существительное образовано путем прибавления суффикса *-ик*, к существительному множественного числа *олим*, «новые репатрианты», и таким образом, имплицитно превращает иммиграцию в род деятельности).

Вы в кадр не влезаете. *Сквуцуйтесь*. («сгруппируйтесь») – ивритское существительное *квуца* преобразуется в несуществующий глагол повелительного наклонения.

В некоторых случаях, избавившись от перевода, говорящие актуализируют принцип языковой экономии. Когда лексическое обновление является окказиональным, еще не вошедшим в «узус» речевого коллектива, оно вызывает улыбки и смех слушателей. Эти и многие другие инновации легко декодируются русско-ивритскими билингвами и являются интегральной частью и устного, и письменного дискурса.

В некоторых случаях продуктивной моделью инноваций может стать не русское слово или основа. Так, например, произошло с тюркским *стан*, породившим пейоративные *Хамастан* – наименование сектора Газа, в котором у власти стоит Хамас; *Хабибистан*, использующее арабское *хабиби*, «любимый», часто встречающееся в качестве обращения и использованное в русском высказывании для обозначения района проживания арабов; а также *Бибистан* – о власти правительства, возглавляемого Бенджамином Натаньяху, фамильно называемым и в неформальном, и в формальном дискурсе «*Биби*».

Билингвы обнаруживают способность дивергентного мышления, предполагающего возможность разноаспектного восприятия одного и того же стимула, включая вербальные [Гридина 2018: 22]. Благодаря этому у них более обширный резервуар лингвокультурных ассоциаций, нежели у монолингвов. Именно эта особенность проявляется в ставшем фольклорным ответе на вопрос, как живется русским в Израиле: «Все хорошо! Живу в дыре, купаюсь в яме». Паронимическое сходство ивритского *дира*, «квартира» и русского «дыра», метафоры плохого жилья, а также омонимия в *яме*, «море» и метафорического русского «попасть в яму», олицетворяющего финансовый, а иногда и жизненный крах, придают высказыванию ироническое звучание. Отметим, что клишированность этого высказывания объясняется не только удачным межязыковым каламбуром, но и его социальным подтекстом – многолетней борьбой иммигрантов за доступное жилье хорошего качества.

Двойные ассоциации могут остаться незамеченными говорящим, но восприняты адресатом. Так, одна из участниц интернет-форума г. Хайфа обратилась с просьбой к форумчанам: Ищу репетитора по математике и английскому языку в *Крайот!* Для *кита* 7. И название местности *Крайот*, и существительное *кита*, «класс», и даже буква, обозначающая цифру «5», функционируют как экзотизмы. Автор поста вряд ли задумывалась о стиле, но, очевидно, была уверена, что будет понята. И, действительно, в ответ она получила множество советов. Но был среди комментариев и такой:

То **кабаны** по улицам ходят, то **киты** в школе учатся... Это Хайфа!.. :-) Автор комментария продемонстрировал и двойные ассоциации с русским и с ивритом, а также шуточно связал высказывание с контекстом удивления и тревоги по поводу присутствия диких животных в городе. Более того, он завершает свой меткий комментарий аллюзией к джазовому спектаклю Петербургского театра Ленсовета, послужившему источником многих лексико-стилистических инноваций. Таким образом, высказывание творчески объединяет и языки, и культуры мультилингвов.

Выводы. ЛК широко представлена в русском иммигрантском дискурсе и показывает, что трансязычие далеко не всегда вызвана аттрицией. Напротив, оно может показывать обостренное чувство языка и расширение ассоциативных полей мультилингвов. Для более точного определения целей и способов выражения ЛК мультилингвов требуется анализ более длинных фрагментов коммуникации, чем можно было представить в данной статье. Необходимо также фиксировать случаи, когда окказиональные инновации становятся достоянием всего языкового коллектива, в нашем случае иммигрантского сообщества, что является показателем социокультурной важности вновь созданных смыслов и частью региональной версии русского языка.

Литература

Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. – М.: Центр Социального планирования и маркетинга, 2012.

Гридина Т.А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативности и поэтической одаренности. // Лингвистика креатива-4: коллект. моногр. / под ред. Т.А.Гридиной. – Екатеринбург, 2018. С. 11-39.

Колесов В.В. Русская речь: Вчера, сегодня, завтра. – СПб., 1998.

Крысин Л.П. Русское слово: свое и чужое: Исследования по русскому языку и социолингвистике. – М., 2004.

Норман Б.Ю. «Креатив» говорящего vs «креатива» слушающего: компромисс взаимопонимания // Лингвистика креатива-4: коллект. моногр. / под ред. Т.А.Гридиной. – Екатеринбург, 2018. С.174-213.

Протасова Е.Ю. (ред.) Многоязычие и ошибки. – Берлин, 2014.

Aronin L. What is multilingualism? // D. Singleton, L. Aronin (eds.), Twelve lectures on multilingualism. – Bristol, Multilingual Matters, 2019. Pp. 3-34.

Carter R., McCarthy, M. Talking, creating: Interactional language, creativity and context// Applied Linguistics, 2004, 25(1). Pp. 62-88.

Jones R. H. Creativity and Discourse. // World Englishes, 2010, 29(4). Pp. 467-480.

Kachru B. B. The bilinguals' creativity //Annual Review of Applied Linguistics, 1985, v. 6, Pp. 20-33.

Mustajoki A., Protassova E., and Yelenevskaya M. (eds.) The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies. – London, New York: Routledge. 2020.

Pavlenko A. Russian as a lingua franca. //Annual Review of Applied Linguistics. 2006, 6. Pp. 78–99.

Proshina Z., Etkin B. P. English-Russian language contacts. // World Englishes, 2005, 24(4). Pp. 439-444.

Ryazanova-Clarke L. (ed.) The Russian language outside the nation. – Edinburgh: Edinburgh University Press. 2014.

Yelenevskaya M. Russian: From Socialist Realism to Reality Show. // J. Rosenhouse, R. Kowner (eds.), Globally Speaking: Motives for Adopting English Vocabulary in Other Languages, chapter 6. – Clevedon, U.K.: Multilingual Matters. 2008. Pp., 98-120.

Yelenevskaya M., Protassova E. Global Russian between Decline and Revitalization //Russian Journal of Communication. 2015, 7(2). Pp. 139-149.

REFERENCES

Aref'ev A.L. Russkij yazyk na rubezhe HH-HHI vekov. – M.: Centr Social'nogo planirovaniya i marketinga, 2012.

Gridina T.A. Metafory detskoj rechi kak fenomen lingvokreativnosti i poeticheskoj odarennosti. // Lingvistika kreativa-4: kollekt.monogr. / pod obshchej red. T.A.Gridinoj. – Ekaterinburg, 2018. – S. 11-39.

- Kolesov V.V. Russkaya rech': Vchera, segodnya, zavtra. – SPb., 1998.
- Krysin L.P. Russkoe slovo: svoe i chuzhoe: Issledovaniya po russkomu yazyku i sociolingvistike. – M., 2004.
- Norman B.Yu. «Kreativ» govoryashchego vs «kreativa» slushayushchego: kompromiss vzaimoponimaniya // Lingvistika kreativa-4: kollekt. monogr. / pod obshchej red. T.A.Gridinoj. – Ekaterinburg, 2018. S.174-213.
- Protasova E.Yu. (red.) mnogoyazychie i oshibki. – Berlin, 2014.
- Aronin L. What is multilingualism? // D. Singleton, L. Aronin (eds.), Twelve lectures on multilingualism. – Bristol, Multilingual Matters, 2019. Pp. 3-34.
- Carter R., McCarthy M. Talking, creating: Interactional language, creativity and context// Applied Linguistics, 2004, 25(1). Pp. 62-88.
- Jones R. H. Creativity and Discourse. // World Englishes, 2010, 29(4). Pp. 467-480.
- Kachru B. B. The bilinguals' creativity //Annual Review of Applied Linguistics, 1985, v. 6, Pp. 20-33.
- Mustajoki A., Protasova E., and Yelenevskaya M. (eds.) The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies. – London, New York: Routledge. 2020.
- Pavlenko A. Russian as a lingua franca. //Annual Review of Applied Linguistics. 2006, 6. Pp. 78–99.
- Proshina Z., Etkin B. P. English-Russian language contacts. // World Englishes, 2005, 24(4). Pp. 439-444.
- Ryazanova-Clarke L. (ed.) The Russian language outside the nation. – Edinburgh: Edinburgh University Press. 2014.
- Yelenevskaya M. Russian: From Socialist Realism to Reality Show. // J. Rosenhouse, R. Kowner (eds.), Globally Speaking: Motives for Adopting English Vocabulary in Other Languages, chapter 6. – Clevedon, U.K.: Multilingual Matters. 2008. Pp., 98-120.
- Yelenevskaya M., Protasova E. Global Russian between Decline and Revitalization //Russian Journal of Communication. 2015, 7(2). Pp. 139-149.

©Еленевская М.Н., 2020

Еленевская Мария Николаевна – старший преподаватель, Технион-Израильский технологический институт.

Адрес: Израиль, г. Хайфа, Rehov ha-Broshim 15, apt. 15.

E-mail: ymaria@technion.ac.il

Elenevskaya Mariya Nikolaevna – Senior Teaching Fellow, Technion-Israel Institute of Technology.